

Захар Аронович Цейтлин

ПРОЦЕСС ГАЛИЛЕЯ

Борьба классов, 1936, № 2.

Раздел "Новая история". С. 106-119

Веб-публикация: Vive Liberta, 12 апреля 2011
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

1

Цель настоящей статьи — обратить внимание на политическую сторону процесса Галилея, до сих пор изображаемого всеми буржуазными историками только как борьба науки и религии.

Правда, сложная и отдаленная связь между борьбой идеологической и социально-экономической может создать видимость чистой идеологической борьбы, но при тщательном рассмотрении процесса Галилея политическая подоплека его настолько бросается в глаза, что кажется в высшей степени странным игнорирование этой стороны дела.

Процесс Галилея относится к тому периоду, когда феодальный порядок в Европе вступил в период своего разложения. Единый до того времени фронт католицизма раскололся на два враждующих между собой лагеря. Если мощь католической церкви была в значительной мере основана на экономической мощи Италии, которая, по выражению Энгельса, была в XIV—XV вв. «первой капиталистической нацией», то раскол католицизма связан был с экономическим упадком Италии. В XVI и XVII вв. на первый план в политическом и экономическом отношениях стали выдвигаться Испания и Португалия, а затем Франция, Нидерланды и Англия.

К этому времени среди господствующих в Европе стран образуются два лагеря: испано-немецкий во главе с Габсбургами и французский во главе с Бурбонами, — которые ведут ожесточенную борьбу за первенство.

И тот и другой стремились использовать католическую церковь в качестве первоклассного орудия дворянско-буржуазной эксплуатации.

Соответственно этому и в недрах католицизма образовались две фракции, из которых одна ориентировалась на Габсбургов, другая — на Францию. Союзниками Габсбургов в Италии были Медичи, с именем которых неразрывно связана трагическая судьба Галилея.

В эпоху расцвета Италии Медичи были представителями итальянского торгового капитала. В последовавший затем период (XVI—XVII вв.) экономического упадка Медичи, ставшие герцогами Тосканы, вкладывали в Италию свои капиталы в земледелие, а свою банковскую и торговую деятельность переносили в другие страны.

По своим экономическим и политическим интересам, а также в силу родственных отношений Медичи были в период герцогства теснейшим образом связаны с Габсбургами — дворянско-буржуазной династией германских и австрийских императоров и испанских королей. Не удивительно поэтому, что Медичи являлись энергичными проводниками испано-немецкой политики, одна из задач которой заключалась в том, чтобы вовлечь Францию в сферу влияния Габсбургов. Эта задача приобретала особо важное значение к середине XVI в., когда значительно усилилось движение французских протестантов, так называемых гугенотов, выражавшее недовольство буржуазии и части дворянства феодально-католическими установками королевской власти.

Медичи были особенно враждебны к гугенотам, поскольку последние являлись конкурентами испано-немецких и итальянских католических купцов и банкиров. Поэтому Екатерина Медичи, вступив в брак с французским королем Генрихом II, воспользовалась своим положением для организации избиения гугенотов, известного под названием «варфоломеевской ночи» (1572 г.). Мария Медичи, вступившая в 1600 г. в брак с Генрихом IV, в целях подчинения французской полити

Но вскоре последователи учения Коперника стали подвергаться нападкам. Первыми против Галилея выступили доминиканцы. В 1614 г. доминиканец Каччини в проповеди, произнесенной в церкви Santa Maria Novella при истолковании 10-й главы книги Иошуа, публично нападал на защитников учения Коперника—на «математиков», которые являются родоначальниками всяческих ересей, ибо математика — дьявольское искусство. Чтобы было ясно, кого он имеет в виду, Каччини выбрал для проповеди слова из апостольских деяний: «Мужжи галилейские, что стоите зряще на небо?»

Вслед за Каччини выступил другой доминиканец — Лорини. В феврале 1615 г. Лорини переслал римской инквизиции копию знаменитого письма Галилея своему ученику Кастелли, написанного им 14 октября 1613 года. В этом письме Галилей подчеркивает, что задачей священного писания не являются изложение и решение естественнонаучных вопросов и что поэтому не следует толковать его буквально. Каччини также сделал личный донос члену инквизиционной конгрегации—генералу доминиканцев кардиналу Арачелли.

Эти доносы послужили формальным основанием для первого привлечения Галилея к инквизиционному следствию.

В письме к епископу Дини от 16 февраля 1615 г. Галилей просил «поговорить о деле с иезуитами, как с теми, которые больше понимают, чем обыкновенные монахи, особенно с патером Гринбергером¹, превосходным математиком, моим большим другом и покровителем».

В этом же письме Галилей выражал желание, чтобы Гринбергер показал его письмо к Кастелли кардиналу Беллармину, а также писал о том, что хорошо было бы дать копию этого письма математику Луке Валерио, который вхож в дом кардинала Альдобрандини. Обращение Галилея к иезуитам и Альдобрандини объясняется их французской ориентацией.

Донос Каччини был поставлен на

¹ Начальник иезуитской римской коллегии.

буржуазии, относительно заинтересованной в развитии науки. Ближайший друг Галилея, теологический советник и юрисконсульт венецианской республики Паоло Сарпи был идеологом французской партии, пропагандирующей французские идеи о верховенстве светской власти над церковной. Не искушенный в политике, Галилей полагал, что женитьба Генриха IV на Марии Медичи была признаком французской ориентации тосканского герцога. Это было одной из существенных причин, побудивших Галилея переехать в Тоскану.

Галилей отнюдь не был кабинетным ученым: он был человеком практики, инженером и изобретателем. И защитником системы Коперника он стал не сразу, а в результате длительных наблюдений, изучений и экспериментов, которые убедили его в том, что защита взглядов Коперника содействует развитию механики («науки о машинах», по терминологии того времени).

Для Галилея была совершенно неприемлема компромиссная точка зрения, рассматривавшая систему Коперника как удобную математическую фикцию, или, как тогда говорили, «гипотезу». Эта точка зрения находила немало защитников и среди наиболее передового духовенства, например, сторонником ее был знаменитый иезуит Беллармин.

обсуждение одиннадцати теологов, так называемых квалификаторов инквизиционной конгрегации, 24 февраля 1616 года. Были рассмотрены два положения, в защите которых Каччини обвинял Галилея:

1. Солнце—центр мира и совершенно неподвижно в отношении местного движения¹.

2. Земля не есть центр мира, не неподвижна и движется целиком также суточным движением.

Из протокола допроса Каччини² от 20 марта 1615 г. видно, что против Галилея были выдвинуты также политические обвинения (переписка с Паоло Сарпи и Кеплером).

Комиссией квалификаторов первое положение было объявлено с философской точки зрения глупым и абсурдным, теологически же еретическим³.

Второе положение было признано с философской точки зрения подлежащим тому же суждению, теологически же квалифицировалось, как, по крайней мере, заблуждение в вере. Квалификацию подписали в подавляющем большинстве доминиканцы.

Иезуит Шнееман⁴, анализируя список подписавших квалификацию, совершенно правильно указывает, что эта квалификация — дело рук противников иезуитов—доминиканцев.

Среди подписавших трое, а именно: архиепископ Петр Ломбардский, августинец Коронеллиус и доминиканец Фома Лемосский — были главными оппонентами иезуитов на совещании в 1605—1606 гг., где обсуждался вопрос о благодати и свободе воли.

На основании суждения квалификаторов конгрегация инквизиции постановила 25 февраля 1616 г., чтобы:

1. Кардинал Беллармин вызвал к себе Галилея и уговорил его остерегать-

ся учения о неподвижности Солнца и о движении Земли.

2. В случае непослушания отец-комиссар в присутствии нотариуса и свидетелей должен объявить Галилею приказ совершенно воздержаться от трактовки указанной доктрины и от защиты ее.

3. Если же он приказу не подчинится, заточить его в тюрьму.

26 февраля постановление было выполнено.

На заседании конгрегации инквизиции 3 марта кардинал Беллармин доложил, что он увещевал Галилея и что Галилей подчинился; кроме того был заслушан декрет конгрегации индекса о временном запрещении впредь до исправления книг Коперника и др., в которых прямо опровергались библейские и теологические аргументы против движения Земли.

Соответствующий декрет конгрегации индекса был опубликован 5 марта⁵. 26 мая кардиналом Беллармином было выдано Галилею удостоверение, в котором говорится лишь об увещевании «не защищать и не считать истинным» учение о движении Земли и неподвижности Солнца, но не было никаких указаний на официальный

¹ В средневековой физике под «местным движением» разумеют «перемену места», т. е. механическое движение.

² См. книгу М. Выгодского «Галилей и инквизиция».

³ Текст этого и других актов см. в книге Геблера «Galilei und die Römische Kurie», а также Э. А. Цейтлин «Галилей». Изд. 1934 года.

⁴ G. Schneeman «Galilei und die Römische Stuhl» в «Stimmen aus Maria-Laach», S. 125. 1876.

⁵ Геблер. Цит. соч., стр. 401.

приказ комиссара инквизиции «со всем отказаться» и «ни в какой форме не придерживаться, не преподавать, не защищать устно или письменно» доктрину Коперника. Это заставляет предполагать, что Беллармин в известной мере защищал Галилея.

Хотя Беллармина и нельзя причислять к прямым сторонникам французской партии, все же ряд его предыдущих действий свидетельствовал о том, что он придерживался французской ориентации.

Если кроме того принять во внимание, что руководство иезуитского ордена в то время ориентировалось на Францию, если учесть также, что удостоверение, выданное Беллармином, было официальным документом, исходившим от виднейшего члена конгрегации инквизиции и индекса (папской цензуры), то мы приходим к выводу, что налицо был факт защиты Галилея со стороны французской партии, против атак испано-немецкой.

Иезуиты защищали Галилея против доминиканцев, но, конечно, не по мотивам идеологическим, ибо обе партии решительно отвергали учение Коперника в качестве объективной истины, а по мотивам политическим.

Обе стороны боролись против революционно-материалистического учения Коперника, против его антирелигиозных идей. С той, однако, разницей, что иезуиты как наиболее гибкая, приспособлявшаяся к новым временам фракция католицизма, испытывая на себе в большей степени, чем доминиканцы влияние прогрессивной тогда буржуазии, наносила удар Галилею не прямо, а косвенно. Мы уже упоминали об иезуитско-схоластической формуле, выработанной Беллармином, согласно которой доктрина Коперника рассматривалась лишь как не имеющая объективного значения гипотеза.

Правда, в среде доминиканцев как и в среде иезуитов были различные течения. Так, доминиканец Кампанелла, защищавший Галилея, примыкал к французской партии. С другой стороны, иезуиты Грасси и Шейнер были самыми отъявленными врагами Галилея.

К 30-м годам XVII столетия против Галилея выступил уже весь католиче-

ский лагерь, в том числе и иезуиты не только испано-немецкой, но и французской партии. Чтобы понять, как это произошло, необходимо подробно ознакомиться с политикой римской курии во времена папы Урбана VIII.

В 1620 г. руководящее положение во Франции занял кардинал Ришелье.

Как представитель французской национальной монархии он считал своей важнейшей задачей разгром Габсбургов. В начавшейся к этому времени в Германии тридцатилетней войне Ришелье поддерживал протестантских князей в их борьбе против императора и старался переманить на свою сторону главу так называемой католической лиги Максимилиана Баварского, обещая ему императорскую корону. С этой целью — разгрома Габсбургов — Ришелье вступил в блок с Англией, Нидерландами, Швецией, Данией, Турцией и итальянскими государствами.

Важным союзником Ришелье, как доказывает историк Ранке, был и папа Урбан VIII. Французская ориентация папы Урбана VIII объяснялась следующими обстоятельствами: в период тридцатилетней войны Испания уже сходила с мировой сцены, Германия также оттеснялась на задний план — на первое место выдвигались Франция, Англия и Нидерланды. Католическая церковь и папство — продукт средневекового феодального строя — разлагались вместе с этим строем и становились орудием нарождавшихся мировых капиталистических держав. Папы вынуждены были отказаться от традиционного союза с Испанией. Ставка Урбана VIII на французскую дворянско-буржуазную монархию являлась результатом его дальновидной политики, так как наилучшим образом способствовала обеспечению интересов папства.

Поддерживая Ришелье, папа поддерживал протестантских князей Германии: «еретика» Густава Адольфа Шведского, Англию и Турцию. Мария Медичи, сосланная Людовиком XIII в Блуа, подняла против Ришелье восстание под лозунгом «Долой союзы с еретиками!» Потерпев поражение,

она вынуждена была бежать в Нидерланды, а затем в Германию, где и умерла в изгнании.

Между Францией же и Густавом Адольфом 22 января 1631 г. был формально заключен союз. Густав Адольф Шведский вторгся в Германию в 1630 г., а в 1632 г. вступил в Мюнхен и подошел к границам Австрии и Италии.

Император Фердинанд II Габсбург начал лихорадочно сколачивать лигу из католических государств, чтобы, по насмешливому выражению Ришелье, организовать «крестовый поход» против Густава Адольфа.

В начале февраля 1631 г. к папе были отправлены чрезвычайные послы императора, которые требовали субсидии на эту, якобы ведущуюся с религиозными целями войну, вступления папы в большую католическую лигу и отлучения от церкви Ришелье и Людовика XIII.

Послы получили аудиенцию у папы лишь в конце февраля и, как пишет историк Грегоровиус, убедились «в исключительно враждебном настроении в Ватикане». Папа заявил послам, что данную войну он не считает религиозной, так как Густав Адольф выступает лишь против слишком возросшей силы Австрии.

Послы вместе с кардиналами испано-немецкой партии немедленно созвали тайное совещание, на котором была выработана следующая формула протеста (даем выдержки из нее):

«Как только всесветлейший католический король Испании узнал о союзе всех еретических сил со шведским королем и о затруднительном положении католиков в Германии, он все свои помыслы и заботы направил на то, чтобы как следует и немедленно встретить эту огромную опасность... Поэтому он обратился к Вашему святейшеству как к всеобщему отцу и столь же настойчиво как и смиренно просил о щедрой денежной помощи, а главное о том, чтобы Ваше святейшество обратили внимание всех католических князей и народов на угрожающую опасность, строго увещевая их всеми силами защитить дело религии. Но так как опасности с каждым днем растут, а Ваше свя-

тейшество все медлит, Его величество... повелел мне с надлежащими смирением и благоговением заявить протест против того, чтобы всякий ущерб, который может быть причинен католической религии, был приписан ему, благочестивейшему и послушнейшему королю, а не Вашему святейшеству»¹.

Испанский посол при папском дворе кардинал Борджиа пытался прочесть этот протест на заседании тайной консистории 8 марта. Папа сначала слушал спокойно, но при словах «а Ваше святейшество все медлит» он приказал Борджиа замолчать. Борджиа вступил в пререкания с папой и хотел продолжать чтение. В собрании поднялся страшный шум. Брат папы кардинал Антонио Барберини подскочил к Борджиа и схватил его за руку, намереваясь силой удалить из зала. Кардинал Пио от волнения сломал очки. Кардинал Сандоваль в ярости разорвал свою шапочку. Чтобы успокоить разгоревшиеся страсти достопочтенных отцов, Урбан взял из рук Борджиа протест, заявив, что делает это в знак любви к своему верному сыну, католическому королю Испании. На следующий день были приняты меры, чтобы помешать распространению копий протеста. Был принят также ряд военных мер из опасения нашествия испанцев. 8 марта папа обнародовал буллу, в которой кардиналам запрещалось выступать в тайной консистории от чужого имени и по поручению короля или императора ставить на обсуждение вопросы, не утвержденные папой в повестке дня. Булла эта обсуждалась на заседании конгрегации инквизиции 11 марта. Папа «рассматривал Борджиа как преступника, виновного в оскорблении величества, и охотно предал бы его в руки инквизиционного трибунала». Урбан VIII вынужден был, однако, отказаться от немедленных репрессий против Борджиа вследствие угрозы испанского вицекороля выступить в защиту Борджиа с оружием и с требованием созыва собора².

¹ Грегоровиус «Урбан VIII против Испании и кайзера» (русского перевода не имеется).

² Пастор «История пап». Т. XIII, стр. 438.

В течение трех лет папа упорно добивался отозвания Борджиа из Рима, ведя по этому вопросу длительные переговоры с Испанией. Испанское правительство соглашалось «принести в жертву Борджиа» (Пастор), но лишь ценою разрыва папы с Францией и больших субсидий.

Значительное влияние на дальнейший ход событий имели смерть Густава Адольфа 16 ноября 1632 г. в сражении при Люцене, около Лейпцига, а также болезнь Ришелье.

Эти обстоятельства наряду с военными успехами Габсбургов, поражением шведов императорскими войсками в 1634 г. в битве при Нордлингене, усиление испано-немецкой оппозиции вследствие крушения широких политических планов Урбана VIII об освобождении Италии от испанского владычества — все это определило более тонкую и уступчивую политику, которую Урбан VIII вынужден был повести в отношении Габсбургского дома.

4

Чрезвычайно напряженная политическая ситуация в 1632 г., когда испанским послом и кардиналом Гаспаром Борджиа было публично брошено папе обвинение в поддержке врагов католической церкви, конечно, была неблагоприятным моментом для публикации галилеевского «Диалога о двух важнейших системах мира». Разрешить публикацию такого рода сочинения значило подлить масла в огонь испано-немецкой агитации и дать в руки врагам лишний аргумент в пользу обвинения папы в поддержке ереси. В 1632 г. Урбан VIII при всем своем, как мы покажем ниже, благожелательном отношении к Галилею не мог дать разрешения на печатание его книги. Между тем галилеев «Диалог», напечатанный во Флоренции, был разрешен к печати папским цензором Николаем Рикарди. Если принять во внимание, что, согласно законам папской цензуры, только книги, публикуемые в Риме и в Папской области, требовали визы папского цензора, то возникает серьезное подозрение, что здесь перед нами не совсем обычное происшествие. Некоторые историки предполагают, что Галилей добился Imprimatur (раз-

решения) папского цензора на своей книге, чтобы «вдвойне застраховать» себя от своих врагов.

Сам папа был того мнения, что «Галилей и Чиаμποли (секретарь папы, агент испано-немецкой оппозиции. — З. Ц.) его обманули... что Рикарди был также обманут, когда у него при помощи прекрасных слов выманили разрешение книги и согласие на ее печатание во Флоренции и когда на книге поставили «Imprimatur Magister Sacri Palatii»¹, которое не имеет никакого отношения к книгам, не напечатанным в Риме».

История получения Imprimatur Рикарди, подтверждает предположение, что перенесение печатания галилеева «Диалога» из Рима во Флоренцию и появление на книге незаконного разрешения папской цензуры имели под собою определенную политическую подоплеку.

Галилей начал хлопотать о печатании своего «Диалога» в Риме в начале 1630 года. Шестого февраля 1630 г. ученик Галилея — Кастелли — писал своему учителю: «Прежде чем вы написали мне, я несколько раз говорил о Вас и о Ваших заслугах с «Padre Mostro»². Я сказал ему, что вы решили опубликовать «Диалог» с того момента, как он сделался Magister Sacri Palatii, так как Вы убеждены, что Ваши произведения не будут отданы на рассмотрение и суждение невеждам».

Неожиданно, 24 августа 1630 г., после того как Галилей сам побывал в Риме и вернулся во Флоренцию, он получил от Кастелли следующее сообщение:

«По многим серьезным основаниям, которых я ныне не могу доверить бумаге... я полагаю, что Вы, многоуважаемый синьор, хорошо сделаете, если будете печатать Вашу книгу во Флоренции и как можно скорее»³.

А Вольтский⁴ совершенно правиль-

¹ Т. е. «Магистр Священного Дворца» — таков был титул папских цензоров, в данном случае — Рикарди.

² Т. е. Рикарди. Доминиканца Рикарди испанский король назвал «Padre Mostro» — «Патер чудовище» — по причине его чудовищной памяти, а по другой версии — чудовищной толщины.

³ Национальное издание соч. Галилея. Т. XIV, стр. 135.

⁴ «Nuovi documenti inediti del Processo di G. Galilei». 1878.

но связывает письмо Каstellи с событиями, происходившими в Риме в 1630 г., т. е. с политическим заговором (так называемый «астрологический заговор») представителями испано-немецкой оппозиции против Урбана VIII как главаря французской партии. Ликвидировав этот заговор казнями и ссылками, папа издал в апреле 1631 г. буллу против астрологов (в Риме в 1630 г. циркулировали астрологические прогнозы относительно якобы предстоящей в этом году смерти Урбана VIII, являвшиеся выражением намерений испано-немецкой партии) и специальным письмом отменил все ранее выданные разрешения на чтение запрещенных книг. Возросшая активность испано-немецкой партии в 1630 г. сделала немислимым получение разрешения на печатание книги Галилея в Риме, и это печатание было спешно перенесено во Флоренцию.

Как мы уже писали, Галилей приехал в Рим по поводу печатания «Диалога» летом 1630 г. и вел по этому делу переговоры с рядом высокопоставленных лиц. Рецензия книги была поручена патеру Висконти, и по просьбе Галилея флорентинец Филипп Никколини¹, родственник Рикарди, написал рецензенту письмо от своего имени и от имени принца Иоанна Карла Медичи². 16 июня патер Висконти переслал Галилею записку, в которой писал, что Рикарди книга понравилась.

Вместе с тем Висконти писал о необходимости, по мнению Рикарди, изменить первоначальное заглавие книги — «О приливах и отливах», чтобы исключить всякий намек на доказательство движения земли.

Рикарди кроме того требовал, чтоб в предисловии к книге и в заключении было ясно подчеркнуто, что учение Коперника является математической фикцией.

Впоследствии Рикарди утверждал, что он дал Галилею лишь условное

¹ Никколини — флорентинский посол при папском дворе.

² Сын Козимо II и брат Фердинанда II Медичи. Один из главарей испано-немецкой партии, адмирал на службе Испании. В 1644 г. был возведен в сан кардинала папой Иннокентием X, ставленником габсбургской партии.

Imprimatur, чтобы облегчить переговоры с типографами. На самом деле, римское Imprimatur было весьма ловким ходом со стороны Рикарди, или, вернее, со стороны тех лиц, которые им руководили, в частности — Чиамполи. Эти лица прекрасно знали, что книга в Риме напечатана быть не может, но они имели в виду использование римского разрешения для усыпления бдительности флорентинской инквизиции.

Галилей действительно использовал римское Imprimatur для получения разрешения флорентинской цензуры и приступил к печатанию «Диалога». Имелась, однако, весьма реальная опасность, что флорентинские цензоры и инквизиторы могут проговориться о римском Imprimatur. Необходимо было поэтому получить дополнительное специальное разрешение папской цензуры, якобы исходящее от самого Урбана VIII. Рикарди впоследствии показывал, что первоначально просьба о таком разрешении была им категорически отклонена. Что это не соответствует действительности, видно из письма Каstellи от 21 сентября 1630 года. Каstellи сообщал Галилею, что Рикарди просил прислать копию «Диалога» для того, чтобы «он и Чиамполи могли сделать необходимые изменения и тогда дать разрешение на печатание книги во Флоренции». То же самое сообщал Галилею посол Никколини.

Истинную подоплеку всего этого дела выясняет письмо Рикарди к Никколини от 28 апреля³. Рикарди писал, что у него нет большего желания, как пойти навстречу великому герцогу. «Но это я могу сделать не тем, что выдам разрешение к печати, что не подобает мне, если сочинение печатается во Флоренции, а тем, что буду убежден, что Галилей выполнил сделанные ему по приказу папы указания». Рикарди, таким образом, сам признал незаконность выдачи Imprimatur для Флоренции. Он писал далее: «Когда я получу введение и заключение к книге, я легко сумею убе-

³ Реуш «Процесс Галилея и иезуиты» (на немецком языке), стр. 204. Перевод письма у Реуша не совсем точен.

юка, наконец, Рикарди решился послать незаконное *Imprimatur*.

В письме к флорентинскому инквизитору Рикарди писал: «В соответствии с повелением нашего Господина о книге Галилея посылаю Вам, кроме тех указаний, которые я сам дал Вам относительно нее, еще введение, или предисловие, которое необходимо поместить в первом листе, автор может стилистически изменить и украсить его, не меняя, однако, содержания. То же самое относительно заключения».

Получал ли действительно Рикарди «повеления нашего Господина», т. е. папы Урбана VIII? Существует отчет родственника Галилея — Буонамичи¹, в котором он сообщает следующее: «*Padre Mostro*» (т. е. патер Рикарди) говорит, что он получил повеление от самого папы апробировать книгу. Папа отрицает это и гневается. Патер говорит, что Чиамполи, по повелению Его святейшества, уполномочил его на это. Папа отвечает, что одним словом нельзя верить. Тогда патер показывает записку Чиамполи, где сказано, что папа, в присутствии которого он пишет, приказывает ему апробировать «Диалог».

даться, соответствуют ли они требуемому, и тогда выдам удостоверение, что книга мной одобрена». Заканчивалось письмо следующей, весьма замечательной, явно заговорщического характера фразой: «Во всяком случае Вы должны заверить заинтересованных, что ни одна живая душа со мной об этом деле не говорила: ни вышестоящий, ни подчиненный, ни равностоящий, — кроме моих и Галилея общих друзей; не следует также думать, что вражеские руки участвуют в игре, так как воистину этого нет».

Мы видим, что хитрый Рикарди согласился «угодить столь высокопоставленным особам» из испано-немецкой партии при условии, что его участие будет носить характер официального исполнения просьбы автора книги, согласно официальным указаниям вышестоящего начальства. Рикарди заверяет «соучастников», что все будет сохранено в строжайшей тайне и что он дает гарантию против провокации со стороны «вражеских рук». Прошло еще около двух с половиной месяцев,

Это сообщение вполне соответствует всем вышеизложенным обстоятельствам дела. О правильности такого истолкования событий свидетельствует тот факт, что за незаконную выдачу *Imprimatur* пострадал не Рикарди, а Чиамполи, который был смещен с должности и выслан. Некоторые историки утверждают, что Рикарди был отстранен от должности. Это неверно: Рикарди оставался папским цензором до самой своей смерти в 1639 году. Согласно указаниям Вольнского, Грегоровиуса, Пастора и других историков², обойденный Урбаном при назначении кардиналов в 1629 г., Чиамполи примкнул к испано-немецкой партии, и он-то устроил выдачу *Imprimatur* с провокационной целью усилить обвинение против Урбана VIII в поддержке еретиков.

¹ Национальное издание соч. Галилея, т. XIX, где этот отчет воспроизведен в двойственном контексте. Г. Мартин в своей книге «Галилей» на французском языке (стр. 405), считает этот отчет апокрифом.

² Реуш, стр. 197 и 226; Грегоровиус, стр. 90; Пастор, стр. 896.

Провокация была, следовательно, организована следующим образом: сначала при содействии семьи Никколини, выполнявшей поручение царствующего дома Медичи,—Висконти и Чиаμποли было получено от Рикарди римское *Imprimatur*, которое было использовано, чтобы приступить к печатанию «Диалога» во Флоренции. Затем для усыпления бдительности флорентинских инквизиторов и папских шпионов Рикарди заставили написать дополнительное, незаконное *Imprimatur*, якобы исходившее от самого папы. Прибавим здесь, что инициатива изменения первоначального названия «Диалога» — «О приливах и отливах», приписанная Рикарди папе, по видимому, исходила также от Чиаμποли. У Галилея едва ли могло быть намерение ставить на книге столь вызывающее заглавие, как «Диалог о двух важнейших системах мира: птоломеевой и коперниковой». Он скорее был заинтересован в том, чтобы скрыть революционное содержание своего труда под скромным и специальным названием. Вызывающее же заглавие было весьма выгодно провокаторам. За чистосердечное разоблачение этой махинации Рикарди и получил милостивое прощение папы.

Каково же было, однако, отношение к этому делу самого Галилея? Обладая гениальной научной и житейской наблюдательностью, Галилей из опыта своей долголетней жизни составил правильное суждение об окружающей его среде полуразбойничьей испанизированной аристократии, светской и духовной, с ее стяжательством и карьеризмом, с ее интригами, шпионами и провокаторами, инквизицией и цензурой. Галилею было важно любой ценой издать труд, завершавший дело его жизни. Поэтому он без всяких колебаний согласился на помещенные состряпанных, по указанию Рикарди, предисловия и заключения, в которых отрицалось то, что Галилей защищал всю жизнь и за что он в конце концов был осужден. Так как Галилей жил в окружении высшей светской и духовной аристократии и посещал таких лиц, как осужденный астролог, или, попросту говоря, политический информатор и шпион Мо-

ранди¹, то он не мог не знать о создавшейся политической ситуации и о политическом значении опубликования «Диалога» в 1632 году. Галилей считал, однако, совершенно законным и правильным применять в борьбе с таким неразборчивым в средствах врагом, как папизм, хитрость и обман. Не даром эмблемой «Академии рысьеглазых»², членом которой состоял Галилей, была выбрана рысь, лицемерно подносящая глаза к небу и раздирающая когтями трехглавого Цербера, — символ папизма. Урбан VIII был поэтому со своей точки зрения прав, обвиняя Галилея в соучастии с Чиаμποли. Галилей не был, однако, политическим единомышленником последнего. Напротив, Галилей использовал создавшуюся благоприятную ситуацию для опубликования «Диалога» именно потому, что весьма основательно опасался поворота политики папизма в сторону более реакционной, как он это хорошо знал, испано-немецкой партии.

Это парадоксальное соотношение вещей объясняет, с одной стороны, упорное нежелание Урбана VIII совершенно освободить Галилея от наказания, а с другой — сравнительно мягкий характер санкций против Галилея (покаяние и домашний арест). Урбан VIII прекрасно знал, что Галилей политически скорее является его сторонником и что он прибег к помощи испано-немецкой партии, лишь желая издать свой труд. Но вместе с тем Урбан VIII не мог простить Галилею соучастие в организованной испано-немецкой оппозицией провокации.

Кроме того — и это самое главное — после событий 1632—1633 гг. папа сам вынужден был все более и более считаться с наиболее реакционными испано-немецкими кругами католицизма, требовавшими беспощадной борьбы с еретиками. Совершенно освободить Галилея от наказания значило для Урбана VIII признать тем

¹ Моранди составил гороскоп самого Галилея.

² Так называлась научная академия, основанная в Риме другом Галилея маркизом Чези.

самым свою собственную ответственность за публикацию «Диалога».

Историки, обсуждая роль Чиаμποли в деле Галилея, говорят, что трудно поверить, чтобы секретарь папы мог действовать столь смелым и провокационным образом по отношению к своему патрону. Здесь нет, однако, ничего удивительного для всякого, знакомого с историей папства. Интриги, обман, провокация и еще более отвратительные деяния — традиционные и верные спутники этой истории. Чиаμποли делал ставку на решительную победу испано-немецкой партии, победу, которая запоздала всего лишь на десять лет.

5

Однако главным руководителем провокации против папы был не Чиаμποли, а сам лидер испано-немецкой оппозиции, кардинал Гаспар Борджиа.

Чтобы убедиться в этом, необходимо проследить важнейшие моменты инквизиционного процесса Галилея. В феврале 1632 г. Галилей начал рассылать напечатанный «Диалог» различным лицам во Флоренцию, Рим, другие города Италии и даже за границу. Были немедленно приняты меры для конфискации разосланных экземпляров «Диалога». В начале августа была создана специальная комиссия под председательством племянника папы кардинала Франческо Барберини. Комиссия сформулировала ряд обвинительных пунктов против Галилея, и, по постановлению инквизиции от 23 сентября, Галилей был вызван в Рим.

Основным принципом инквизиционного судопроизводства было положение: лучше осудить десять невинных, чем оправдать одного виновного. Отсюда запрещение — следовать порядку, принятому не только в светских, но и в обычных, церковных судах: инквизиционное судопроизводство устраняло защиту и сообщение обвиняемому имен свидетелей.

Согласно теории инквизиционного судопроизводства задача судьи-инквизитора заключалась не столько в том, чтобы обнаружить преступление и наказать виновного, сколько в том, чтобы раскрыть намерения, стремления, побуждения, склон-

ности к преступлению и тем самым предупредить и примирить подсудимого со «святой матерью-церковью».

Вся теория инквизиционно-судопроизводства зиждилась на теологическом учении о зле. По этому учению, злу — это дело рук дьявола, и еретиком является не тот, кто вообще совершил преступление против веры, а тот, кто его совершил со злой волей, или намерением. Понятие «злая воля», или «намерение», было равносильно понятию союза с дьяволом.

Основной задачей инквизиционного судопроизводства было поэтому обнаружение злой воли подсудимого. Для этой цели — в случае нужды — применялась пытка, так как, по воистину дьявольской доктрине инквизиции, «испытание тела», т. е. телесные страдания, способствует возвышению и очищению духа, который начинает отвечать «истинно-католически», т. е. несмотря на пытки отвергает обвинение в ереси.

Для осуждения Галилея недостаточен был поэтому самый факт опубликования им «Диалога» и притом с разрешения папской цензуры: нужно было доказать, что эта публикация была сделана со злым умыслом. Согласно же инквизиционной теории, наличие злой воли безусловно устанавливается, если подсудимому было уже раньше сделано инквизицией предупреждение, ибо такое предупреждение рассматривается как исходящее от самого святого духа отеческое указание на опасность союза с дьяволом.

Хотя, вообще говоря, инквизиционные трибуналы мало считались с формально-юридическими доказательствами и прибегали к пытке, чтобы получить «добровольное» признание в наличии злой воли, но поскольку речь шла о таком лице, как Галилей, и притом в обстановке острого политического конфликта, необходимо было обосновать обвинение юридически более строго. Вот почему весьма основательной является гипотеза биографа Галилея Вольвилля о том, что акт о Галилее от 26 февраля 1616 г., которым оперировали инквизиторы в

1632 г., был сфабрикован в том же, 1632 году¹. Основательным является также подозрение, что эта фальсификация является делом рук Рикарди. Именно Рикарди первый сообщил Никколини в письме от 11 сентября 1632 г. о том, что «в книгах святой инквизиции найдено, что Галилей был 16 лет назад потребован в Рим и что от имени папы и священной конгрегации инквизиции кардинал Беллармин запретил ему придерживаться коперникова учения».

Действительно, как мы видели выше, в акте от 25 февраля отнюдь не утверждается, что Галилей—сторонник доктрины Коперника, а ему лишь делается отеческое предупреждение остерегаться этого учения и совершенно воздерживаться от трактовки этой доктрины и от защиты ее.

В акте же от 26 февраля ясно сказано, что Галилей должен «совершенно оставить или отказаться от мнения о неподвижности Солнца как центра мира и движении Земли и в будущем ни в какой форме его не придерживаться, не преподавать или защищать устно

или письменно»². Не зная о том, что у Галилея сохранилось удостоверение, выданное Беллармином, Рикарди решил представить дело таким образом, что Галилей был в 1616 г. лично и официально привлечен к инквизиционному следствию и суду («потребован в Рим») за приверженность к доктрине Коперника и что ему было официально предложено «совершенно оставить или отказаться» от этого мнения, «ни в какой форме его не придерживаться, не преподавать или защищать устно или письменно». При такой постановке вопроса легко было доказать наличие злой воли в акте публикации «Диалога» в 1632 году.

Акт 26 февраля необходим был Урбану VIII для того, чтобы осуждением Галилея ответить на провокацию испано-немецкой партии и тем самым доказать свою непричастность к пропаганде ереси.

Урбану VIII было необходимо осуждение Галилея. Но он и в особенности его статс-секретарь Франческо Барберини знали о французских симпатиях Галилея, были лично благожелательно расположены к нему и не сомневались в непричастности его к политическим интригам испано-немецкой партии. В соответствии с этим

¹ Вольвилль «Галилей и его борьба за коперниково мировоззрение» (немецкое издание) и З. А. Цейтлин «Галилей».

² Тексты актов см. З. А. Цейтлин «Галилей».

процесс был поставлен так, чтобы осуждение не было особенно суровым¹.

Чтобы отклонить обвинение в наличии злой воли, Галилей предъявил удостоверение, выданное ему кардиналом Беллармином. Этот факт характеризуется в тексте приговора следующим образом: «Все это говорится тобой не для извинения в своем заблуждении, но с целью приписать его суетному тщеславию, а не злой воле».

Ввиду отрицания Галилеем наличия злой воли суд перешел к стадии «строгого испытания» («*rigorosum examen*»), т. е. к угрозам пыткой (или самой пытке). Вопрос о том, был ли подвергнут Галилей пытке, до сих пор служит предметом страстной полемики. Одно то, что в тексте приговора говорится о «строгом испытании», еще не означает, что Галилей действительно был подвергнут пытке. Де-

ло в том, что «строгое испытание», согласно правилам инквизиционного процесса, являлось вообще необходимой формальной стадией судопроизводства, так как, по этим правилам, свидетельские показания обычно совсем исключаются и даже прямое признание подсудимого не считается достаточным. Лишь «добровольное» признание при угрозе пыткой или под пыткой рассматривается как имеющее силу доказательство.

Пункт допроса при «строгом испытании» касается второй, по предположению подложной, части акта от 26 февраля, в котором Галилею предписывается «совсем оставить и отказаться» от коперниковой доктрины, т. е. тем самым подчеркивается, что Галилей — приверженец этой доктрины. Галилей же представил удостоверение Беллармина, доказывая, что он не был лично привлечен к суду как приверженец доктрины Коперника. Если бы Галилей в процессе 1633 г. сознался, что он был приверженцем коперниковой доктрины, суд вынужден был бы признать его «неисправимым еретиком» и, по закону, приговорить «к казни без пролития крови»,

¹ Еще в 1620 г. будущий папа Урбан VIII (тогда кардинал Барберини) сочинил латинскую оду в честь астрономических открытий Галилея. Многочисленные доказательства дружеского расположения Урбана VIII к Галилею см., например, у Реуша (глава XIV) или у Вольвилля (т. II),

По терминологии инквизиции, Галилей отвечал католически, т. е. отверг пункты обвинения при строгом испытании.

Составленный комиссаром инквизиции, патером Фиренцуола, текст отречения гласил:

«Но так как от сего святого судища мне давно уже было дано предписание, чтобы я дезертировал (совсем оставил и бежал) от ложного мнения, согласно которому Солнце — центр мира и неподвижно, Земля же — не центр мира и движется, не придерживался, не защищал и не преподавал в какой бы то ни было форме, устно или письменно, этой ложной доктрины, я же, после того как мне было указано, что это учение противоречит святому писанию, сочинил и напечатал книгу, в которой обосновываю осужденную доктрину, привожу в ее пользу многие сильные доводы, не приводя какого-либо заключительного разрешения вопроса, вследствие этого я признан под сильным подозрением в ереси, то есть, что придерживаюсь и верю, будто Солнце --- центр мира и неподвижно, Земля же — не есть центр и движется»¹.

Для обеспечения приговора над Галилеем Урбан VIII образовал судебную коллегия из десяти кардиналов. Грегоровиус² подчеркивает тот факт, что в числе судей не было ни одного испанца, за исключением ненавистного Урбану кардинала Гаспара Борджиа, поставленного в списке на первом месте как кардинала-епископа. Между тем приговор подписан лишь семью кардиналами, отсутствуют три подписи, в том числе — старейшины суда Борджиа и папского статс-секретаря Франческо Барберини. Впервые на указанное обстоятельство обратил внимание историк математики М. Кантор. Отсутствующие подписи Борджиа весьма понятно: Урбан VIII хотел за-

ставить лидера испано-немецкой оппозиции собственноручно засвидетельствовать, что он, Урбан VIII, невиновен в опубликовании «Диалога» и в поддержке еретической пропаганды. Борджиа, разумеется, от этого уклонился, тем самым намекая на то, что главная опора еретиков — это сам папа и что в опубликовании «Диалога» виновны сам Урбан VIII и его цензура.

* * *

Подводя итоги, мы можем резюмировать изложенное следующим образом: осуждение Галилея не было простым и непосредственным результатом столкновения религиозной и научной идеологий, а следствием гораздо более сложного взаимодействия социально-экономических и политических сил.

Урбан VIII и возглавляемая им французская партия в известной мере отражали прогрессивные тенденции буржуазии. Вот почему, в конечном счете, осуждение Галилея при посредстве Французской партии, под давлением провокационных действий более реакционной испано-немецкой оппозиции против Урбана VIII, является лишь сложным выражением борьбы нарождавшегося буржуазно-капиталистического общества с феодальным строем.

¹ Мы пользуемся латинским текстом приговора и отречения, посланным инквизицией в Болонью и опубликованным Ричиоли в «Новом Альмагесте» (1655 г.). Вольвилль доказывает, что подлинники были на итальянском языке, что действительно соответствует правилам инквизиции. Можно предполагать, что тексты составлялись одновременно на двух языках. Латинский текст юридически более правилен.

² Грегоровиус. Цит. соч., стр. 90.